

Урсула Ле Гуин

ВСЁ
ОБ ОРСИНИИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
Л 33

Ursula K. Le Guin
THE COMPLETE ORSINIA

Introduction copyright © 2016 by Ursula K. Le Guin
MALAFRENA copyright © 1979 by Ursula K. Le Guin
“Folk Song from the Montayna Province” copyright © 1959 by Ursula K. Le Guin
“Red Berries (Montayna Province)” copyright © 2016 by Ursula K. Le Guin
“The Walls of Rákava (Polana Province)” copyright © 2016 by Ursula K. Le Guin
ORSINIAN TALES copyright © 1976 by Ursula K. Le Guin
“Two Delays on the Northern Line” copyright © 1979 by Ursula K. Le Guin
“Unlocking the Air” copyright © 1990 by Ursula K. Le Guin
The moral rights of the author have been asserted
Published by arrangement with Synopsis Literary Agency
and Ginger Clark Literary, LLC
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Тогоевой, Майи Лахути,
Екатерины Доброхотовой-Майковой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-29397-7

© И. А. Тогоева, перевод, 1997, 2004, 2008
© М. Д. Лахути, перевод, 2025
© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ПРЕДИСЛОВИЕ

В старших классах я, как многие американские интеллектуальные дети, чувствовала себя чужаком в чужой стране. Я спасалась в публичной библиотеке Беркли и полжизни проводила в книгах. Не только в американских, но и в английских и французских романах и стихах, в переводных русских романах. Неожиданно очутившись в колледже среди другой чужой страны, на Восточном побережье, я выбрала своей специальностью французскую литературу и продолжала читать европейскую для себя. Париж 1640-го или Москва 1812-го были для меня знакомее и роднее, чем Кембридж, штат Массачусетс, в 1948-м.

Как ни любила я учебу, ее целью было обеспечить себе возможность зарабатывать на жизнь преподаванием, чтобы писать. И я всерьез трудилась над рассказами, но здесь мои европейские предпочтения осложняли дело. Меня не влекли темы и цели современного американского реализма. Я не восхищалась Эрнестом Хемингуэем, Джеймсом Джонсом, Норманом Мейлером и Эдной Фербер. Мне очень нравился Джон Стейнбек, но я понимала, что так писать не могу. В «Нью-Йоркере» я любила Тёрбера, но пропускала Джона О'Хару, чтобы читать англичанку Сильвию Таунсенд Уорнер. Почти все, кому мне хотелось подражать, были из Европы, но я знала, что глупо писать про Европу, где я никогда не бывала.

Наконец я придумала, что сумею обойти это затруднение, если буду писать про ту часть Европы, где не бывал никто, кроме меня.

Я помню, когда мне пришла эта мысль: в Эверетт-Хаусе колледжа Радклифф, в столовой студенческого общежития, где можно было допоздна заниматься и печатать на машинке, не мешая тем, кто уже спит. Мне было двадцать, я около полуночи работала за одним из обеденных столов и вдруг впервые увидела мою страну.

Незначительное государство в Центральной Европе, из тех, которые разгромил Гитлер, а теперь громил Сталин. (Захват Советским Союзом Чехословакии в 1947–1948 гг. был первым событием, пробудившим во мне политические чувства.) Не очень далеко от Чехословакии и Польши, но не будем забивать себе голову границами. Не из частично исламизированных народов, а более ориентированное на Запад... Как Румыния, быть может, с языком, испытывавшим славянское влияние, но с латинскими корнями? Да!

Я начинаю чувствовать, что подбираюсь ближе. Начинаю слышать названия. Орсения — на латыни, на английском — Орсиния. Вижу реку Мользен, бегущую по открытой солнечной местности к старой столице, Красною (красный — славянское «красивый»). Красной стоит на трех холмах: дворец, университет, собор. Собор Святой Феодоры, вопиюще несвятой святой, имя моей матери... Начинаю осваиваться, чувствовать себя как дома. Орсения, *матрия мия*, моя родина. Я могу здесь жить и узнавать, кто здесь еще живет и что они делают. Могу рассказывать о них истории.

Так я и поступила.

Первый роман я начала писать на листках маленькой тетрадки в Париже в 1951-м (я наконец-то попала в Европу). Он получился бесстрашным, беззастенчивым и безумным, назывался «Происхождение» и являл собой попытку изложить историю орсинийской семьи с конца пятнадцатого века до начала двадцатого. Я слишком мало знала людей, чтобы написать роман, а знаний европейской истории мне только-только хватило, чтобы поддержать мою вымышленную историю, которая включала Возрождение, Реформацию и возникшую из-за нее

гражданскую войну, несколько завоеваний, Австро-Венгерскую империю и парочку революций. Герои были по большей части мужчинами, потому что в начале пятидесятых литература в основном рассказывала о мужчинах, история вся была о мужчинах, и я думала, книги должны быть о мужчинах. Я написала роман как в горячке и отправила Альфреду Кнопфу, а в ответ получила письмо с отказом, где говорилось (если излагать вкратце), что десять лет назад он напечатал бы эту чертову бредятину, но сейчас ему так рисковать не по карману.

Такая формулировка отказа от такого человека — достаточный стимул для начинающего литератора писать дальше. Рукопись я никому больше не посылала. Я знала, что Кнопф прав: это чертова бредятина. У меня было подозрение, что он меня пожалел, поскольку был знаком с моим отцом, но я понимала также, что редакторская строгость ему бы такого не позволила. Книга ему скорее понравилась, он мог бы ее напечатать. Этого было довольно.

Все мои следующие (непроданные) романы были про современную Америку, за исключением одного, действие которого происходило в Орсинии. Я начала его в 1952-м. В разных редакциях он назывался «Малафрена» и «Необходимая страсть». В нем говорилось о европейском поколении, которое достигло совершеннолетия в 1820-х и разбило себе сердце в революциях 1830-го. От первых редакций книги у меня остался лишь второй машинописный экземпляр страницы, помеченной: «Стр. 1 2-й версии». Текст дает представление о стиле черновых версий романа, написанных под влиянием европейской литературы того периода, 1820-х, когда романтизм набирал обороты.

Необходимая страсть

Малафрена

Часть первая. В горах

Темные, безмолвные и мрачные, горы вырисовывались на фоне предгрозового вечернего неба. Воды Малафрены под ни-

ми волновались, а ветер, дующий с запада, где догорал закат, смешивал протяжный рев соснового леса с голосом озера в его каменных берегах. Гроза и тьма быстро собирались над озером, лес клонился на усиливающемся ветру, но выше, под бегущими облаками, горы все так же взирали на равнины и дальние края, равнодушные к смятению озера и небес.

Огоньки немногочисленных домов на восточном берегу Малафрены горели ярко и немного мерцали, как планета, которая порой проглядывала над склоном западного пика и тут же пропадала за облаками; ветер уже нес в себе обещание дождя. Человек, который одиноко стоял на берегу, наблюдая, как поднимается буря, а горы окутываются тьмой, почувствовал на лице первые капли и вскинул голову. Он поднял воротник, чуть ссутулился от ветра и двинулся по берегу к дому, стоящему почти над озером, на длинном узком склоне, который сбегал с горы и коротким полуостровом вдавался в озеро. Некоторые окна горели, их желтоватый свет озарял сад, где деревья и [...]

Рукопись не «умерла» (как «Происхождение» и другие непроданные романы). Она пережила несколько долгих периодов безмолвия и темноты, но оставалась близка моему сердцу. Я думала о ней, бралась за нее, потом вновь откладывала. Я переписала ее. Я снова переписала ее в 1961-м. В семидесятых, когда моя лучшая подруга умирала от рака, я в подавленном состоянии вернулась к книге и задумалась, могу ли ее переписать. Тремя годами позже, в 1978-м, в таком же подавленном состоянии из-за болезни матери, я вернулась к этой мысли. Думая, что, возможно, уже заработала писательскую репутацию и могу предложить издателям серьезный исторический роман, действие которого разворачивается в несуществующей стране, я показала рукопись моему агенту, бесстрашной Вирджинии Кидд. Она сказала, что попытаться стоит. Я переписала книгу.

Вот отрывки из моего дневника, написанные во время работы над черновиками.

(2 февр. 1975): Перечитываю «Необходимую страсть» впервые за пять лет. Я занималась ею в 69-м, согласно пометке, — значит прошло уже шесть лет. Меня поразили несколько вещей. Во-первых, насколько молоды главные герои! Теперь я так не смогу. Пьера хороша, хотя финал и ее в нем роль слабоваты. Лаура тоже хороша — самая автобиографичная из моих героинь. Толстовские кусочки — особенно один — чистое подражание, но влияние Лоуренса поверхностно, и от него можно избавиться: я писала по опыту! Только надо было стараться еще больше! Самое странное — что это «Обделенные» [*опубликованные в предыдущем, 1974 г.*] в куда большей мере, чем я осознала, работая над ними. Не только герой и ситуация сходны, но и слова: «Настоящее паломничество — это возвращение домой», «Настоящее путешествие — это возвращение» и так далее. У меня нет разнообразия идей — у меня ОДНА идея. И еще кусок про путь в Радико. Откуда я знала тогда, в 1951-м, что буду чувствовать сейчас? Во мне есть Амадей, а я отвернулась от него, а он терпеливо ждал. Самоубийство, разумеется, символическое, то есть не полная, телесная смерть: частичная смерть. Я видела это тогда, видела дорогу и заброшенную башню. «Я обернулся, не ведая, не рухнет ли она». [*Строчка из стихотворения в книге*] «Дикие ангелы»¹; сегодня я держала в руках первый переплетенный экземпляр, который принес Боб Дюран.

Я трудилась над этой книгой, как только умею, фразы из нее часто повторяются у меня в голове: что-то я в ней сказала правильно. Она до сих пор меня не отпускает, и мне больно, что я не вижу способа оживить ее и напечатать. Наверное, мож-

¹ Сборник ранних стихотворений Урсулы Ле Гуин, изданный в 1974 г. Робертом Дюраном и Ноэлем Янгом ограниченным тиражом в 200 пронумерованных экземпляров. Каждый экземпляр был переплетен вручную и подписан Урсулой Ле Гуин.

но еще раз ее переделать, но это исключительно опасно — отступить, не *reculer pour mieux sauter*...¹ И даже если у меня получится, кому нужен подлинный роман XIX века, написанный в третьей четверти двадцатого? Теперь это уж в двух смыслах исторический роман. Но черт побери, там есть удачные места, он намного лучше моих трех первых фантастических романов — более зрелый, более широкий, несмотря на слабости и дурноты. Я была на верной дороге, когда его писала. Это лучше «Обделенных» в одном: здесь больше юмора и разнообразия персонажей. Даже старый Атро и его отношения с Шевеком предвосхищаются/повторяются (там, откуда берутся романы, нет До и После) старым Геллескаром и его отношениями с Итале. Работая над «Обд.», я об этом не подозревала — вообще не вспомнила Геллескара. Столько всего я предвосхитила/повторила! Неудивительно, что измерение Времени во второй книге пожелало стать таким важным! Я здесь, я была здесь, я была здесь всегда. Трижды или четырежды в НС у людей случаются дежавю, либо они испытывают чувство «Я был здесь всегда». Да, я была. И остаюсь.

(12 II 75): Итале, дорогой, ты говоришь делать насущное, необходимое, то, что следует делать дальше, и отмахиваться от всего несущественного, пустякового, в котором легко увязнуть. Как мне отличить одно от другого? Мне точно нужно сложить постиранную одежду. В комнате я приберусь, да, возможно. Ответить на все письма? И если нет, то на какие? Колодец, говорит мне И цзин, нужно переложить. Путь, говорю я себе, нужно отыскать заново. Я оставила тебя в Малафрене примерно в том же состоянии много лет назад.

Интересно, что ты делал в 1848-м.

(16 окт. 1978): Я днем и ночью переписываю НС, начиная с части второй. У меня нет твердого убеждения, что это хо-

¹ Отойти назад, чтобы прыгнуть лучше (*фр.*).

рошее дело, правильное дело — необходимое дело, пользуясь словами Итале. В лучшем случае это будет старая овца в новой волчьей шкуре, если я вообще сумею закончить эту работу. Но мне кажется, я себя вынудила [*обсудив возможность продажи такого романа с моим агентом Вирджинией Кидд, которая меня обнадежила*]. Что ж, надо покончить с той частью моей жизни, которой положила начало НС, и тем открыть дверь в следующую, пока неведомую и невообразимую часть, поскольку всё со всех сторон говорит мне, когда мне хватает мужества слушать: «Ты должна начать заново, ты должна начать сначала...» И накануне своего сорокадевятилетия в следующую субботу я знаю про мою работу не больше, чем знала в девять.

(26 окт. 78): Изабер все-таки прыгнул с башни.

Мне часто не хватает смелости моих интуиций.

Интересно, когда фраза или сцена застревает в голове, значит ли это, что в ней что-то *неправильно*?

(30 окт. 78): Луиза ухаживала за матерью; она не может ухаживать за Итале из-за *сексуального* отвращения. Именно она отсылает Итале прочь — саморазрушительная фрустрированная сексуальность.

Описывать высокое к славе Господней.

Это величайшее наслаждение. «Я на то пришел»¹. Несравненно. Оттого, наверное, я этого боюсь. ДУРА.

(2 нояб. 78) 7 янв. 1827.

И приходится дорого платить — *bien entendu*!² — думала я вчера вечером в Симфоническом, может быть, творчество

¹ Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине (Ин. 18: 37).

² Конечно! (*фр.*)

во второй половине жизни всегда идет против шерсти, против течения в конце концов.

Бесполезно сражаться против зла по наивности, потому что не знаешь, что тебе противостоит, а когда узнаешь и теряешь наивность, то познание зла либо разлагает тебя, либо морально увечит. Урок 1830-го? Да.

(9 нояб. 78) 8 августа 1830.

(18 нояб. 78): «Быть влюбленным... влюбиться» — теперь я понимаю это, теперь я знаю, что это значит; это то, что происходит со мной, когда я пишу. Я влюблена в работу, в сюжет, в персонажей, и пока это длится и некоторое время потом — в саму книгу. Я функционирую, только влюбляясь: во Францию и французов, в XVI век, в микробиологию, космологию, исследования сна и так далее. Я не смогла бы написать «Неделю за городом», если бы не влюбилась в исследования ДНК! Очень странно. Это женское? Влюбляются ли так же мужчины? Безусловно да, потому что все стихи о бессоннице и отказе от пищи, о том, что весь мир — лишь приложение к Любимой, написаны мужчинами. Полагаю, они тоже влюблялись в революцию 1830-го, или в мертвого русского, или во фразу на итальянском — что вам угодно. Полагаю, это творческое состояние, выраженное в человеческих чувствах и настроении, и удивительным образом проявляется одинаково, каким бы ни было — сексуальным, или духовным, или аскетическим, или интеллектуальным.

Отсюда личный бог, твой упрямый вечный подросток. О, говорит она, так Иисус просто не в моем вкусе. Я предпочитаю чумазных греков с реками в волосах. Ясно. Что мне ясно, Господи?

*Du bist's, der was wir bauen...*¹

¹ Ты тот, кто построенное нами... (нем.) Йозеф фон Эйхендорф (1788–1857). В стихотворении речь идет о том, что Бог потихоньку рушит над людьми то, что они строят, — рушит для того, чтобы они видели небо.

(6 дек. 78) 11:05 — закончила Малафрену. Опять.

11:07 — Но нет! Оставила 3 стр. в начале части III! Типично, типично!!!

Народные песни провинции Монтайна были первыми моими опубликованными стихотворениями.

Две крохотные песни — единственные существующие тексты на орсинийском. Слова взяты из передачи «Радио Орсиния» в шестидесятых, но мелодии, увы, не сохранились.

Карта Орсинии публикуется впервые.

«Рассказы об Орсинии» возникали в непредсказуемое время — это касается и века, в который разворачивается их действие, и года, в который я их писала. Дата в конце рассказа относится (довольно неожиданно) к истории, а не к дате сочинения.

Годами я чувствовала себя своего рода приемником, который внезапно включается от срочной передачи из Орсинии, то из одного века, то из другого и от разных лиц. Моим долгом и привилегией было их толковать, однако научилась я этому не сразу.

Кажется, первым рассказом стали «Ночные разговоры». В Нью-Йорке в магистратуре я слушала итальянскую радиостанцию, и сентиментальный радиоспектакль о слепом так на меня подействовал, что я пыталась вообразить слепоту. И тут внезапно пробилась передача из Ракавы.

«An die Musik», написанный примерно десятью годами позже, стал первым сочинением, напечатанным в литературном журнале. Я отправила экземпляр Лотте Леман в знак восхищения. Моя большая печаль, что я потеряла добрые, щедрые слова, которые великая певица написала мне в ответ.

«Братья и сестры» датируются, думаю, концом пятидесятых. Это первый из моих рассказов, в котором я была уверена. С ним я понимала, что иду правильным путем, моим путем.

«Дорога на восток» — скорбный отклик на подавленное Советами венгерское восстание 1956-го. «Неделя за городом»,

написанная много позже, отправляет сына Стефана Фабра из «Братьев и сестер» в Монтайну, сельскую местность из «Малафрены», в тягостные годы советского господства.

Последний из рассказов, «Воображаемые страны», был написан, кажется, в конце семидесятых. Ничто и никто в нем не похоже ни на что и ни на кого в моей жизни, и все-таки он самый автобиографичный из всего, что я написала. В нем есть оттенок прощания, как будто я покидала Орсинию, но Орсиния не покидала меня еще некоторое время.

«Два сбоя в расписании поездов на Северной железной дороге», опубликованные после «Рассказов», тоже содержат элементы непосредственного личного опыта, преобразенные так, чтобы быть скорее вымышленными, чем исповедальными. Некоторые писатели могут держать лаву голыми руками, но я не так крепка, моя кожа не асбестовая. И на самом деле я не хочу исповедоваться. Моя игра — преобразование и выдумка.

Последней передачей из Орсинии, которою я получила, стал «Глоток воздуха». Мне радостно было вновь встретить Стефана Фабра и его жену Брюну и увидеть их свободными, пусть и на краткий миг.

Мне жаль, что с тех пор я не получала весточек от друзей в Красное. Надеюсь, что в Валь-Малафрене по-прежнему есть семейство Сорде, что собаки бродят по брусчатке дворца Рух, что собор Святой Феодоры стоит и тихие фонтаны Айзнара по-прежнему журчат.

*Урсула К. Ле Гуин
Портленд, Орегон
Декабрь 2015*

МАЛАФРЕНА

Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его;
если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж.
Напрасно вы рано встаете, поздно едите хлеб печали,
тогда как возлюбленному Своему Он дает сон.

Псалом 126

ЧАСТЬ I

В ПРОВИНЦИЯХ

I

Пасмурной майской ночью город спал; тихо текла во тьме река. Над безлюдным университетским двором высилась церковь, исполненная, казалось, звона молчавших сейчас колоколов. Некий молодой человек, перемахнув через трехметровые чугунные ворота, спрыгнул на землю и оказался в прямоугольнике церковного двора, который осторожно и быстро пересек, и подошел к церковным дверям. Затем достал из кармана пальто скатанный в трубку лист бумаги, развернул его, пошарил в карманах, вытащил гвоздик, наклонился, снял башмак и, приложив лист бумаги и гвоздь как можно выше к дубовой, обитой железом створке двери, поднял башмак, чуть помедлил и, размахнувшись, ударил. Трескучее эхо прокатилось по темному, одетому камнем двору, и юноша застыл, словно удивляясь звучности этого эха. Где-то неподалеку слышались крики и лязг железа по камням мостовой. Юноша поспешно ударил по гвоздю еще раза три и, решив, что забил его достаточно крепко, бросился к воротам, так и держа один башмак в руке. В несколько прыжков он достиг ворот, перебросил через них башмак, перелез сам и хотел было уже спрыгнуть на землю, но зацепился полкой за острую «пику». Послышался громкий треск рвущейся материи, и юноша исчез в темноте буквально за мгновение до того, как у ограды появились двое полицейских. Они, разговаривая по-немецки, долго и внима-

тельно вглядывались в темноту церковного двора, затем обсудили высоту ворот, проверили, крепко ли заперт замок, даже потрясли его и двинулись прочь, стуча сапогами по мостовой. Лишь тогда юноша решился выглянуть из своего укрытия и стал шарить по земле в поисках башмака, трясаясь от беззвучного смеха, но башмак найти так и не успел: стража возвращалась, и он бросился прочь, а над темными улицами Солария зазвенели колокола кафедрального собора, отбивая полночь.

На следующий день, когда те же колокола били полдень, в университете как раз закончилась лекция, посвященная отступничеству Юлиана¹, и уже знакомый нам юноша выходил вместе с приятелями из аудитории, когда его вдруг окликнули:

— Господин Сорде! Итале Сорде!

Шумливые студенты тут же как один потеряли дар речи и дружно заторопились, так что через минуту возле человека в форме офицера университетской охраны остался лишь тот, чье имя только что прозвучало.

— Господин Сорде, вас желает видеть господин ректор. Сюда, пожалуйста, господин Сорде.

Пол в кабинете был застлан сильно потертым, но все еще красивым красным персидским ковром. Левую ноздрию ректора, как всегда, украшало красноватое пятно — то ли бородавка, то ли родинка. У окна стоял какой-то незнакомец.

— Господин Сорде, объясните нам, пожалуйста, что это?

Незнакомец протянул Итале большой, примерно метр на метр, лист бумаги: это было разорванное пополам объявление о ярмарке рабочего скота, которая должна была состояться в Соларии 5 июня 1825 года. На чистой оборотной стороне листа крупными печатными буквами было написано:

¹ Римский император *Юлиан Отступник* (331–363), получив христианское воспитание и став императором, объявил себя сторонником языческой религии, реформировал ее на базе неоплатонизма и издал эдикты против христиан, за что и получил от христианской Церкви прозвище Отступник.

Суйте голову в петлю!
Мюллер, Галлер и Генц¹
Веревку вам свили
И тупым послушаньем
Мозги заменили!
Людам ведь невдомек,
Какой страшный урок
Господа эти дать нам решили!

— Это я написал, — признался юноша.

— И это вы... — ректор глянул в сторону незнакомца у окна и почти умоляющим тоном закончил: — прибили плакат на двери церкви?

— Да. Я. Я там был один. Это вообще полностью моя идея.

— Господи, мальчик мой... — Ректор помолчал, нахмурился и заговорил более решительным тоном: — Но, мальчик мой, если уж святость этого места...

— Я следовал одному историческому примеру². Я ведь студент исторического факультета. — Бледное лицо Сорде вспыхнуло ярким румянцем.

— И до сей поры, надо сказать, были студентом весьма примерным! — вздохнул ректор. — Вот ведь что обиднее всего... Даже если это всего лишь глупая выходка.

— Извините, господин ректор, это не глупая выходка!

При этих словах Итале ректор сморщился, как от боли, и закрыл глаза.

— Вы же видите, намерения у меня были самые серьезные. Да иначе к чему вам было приглашать меня сюда?

¹ *Адам Генрих Мюллер* (1779–1829) — прусский публицист и политический экономист, и его друг *Фридрих фон Генц* (1764–1832) — прусский писатель и публицист, были советниками князя Меттерниха, руководившего переустройством Европы после Наполеоновских войн. *Карл Людвиг фон Галлер* (1768–1854) — швейцарский государственный деятель консервативных взглядов. Хотя здесь фон Генц — глава имперской полиции, совпадение имен едва ли случайно.

² В 1517 г. в Виттенберге Лютер прибил к церковной двери свои «95 тезисов», положивших начало Реформации.

— Молодой человек, — промолвил незнакомец, по-прежнему стоявший у окна и как бы не имевший ни бородавки на носу, ни звания, ни имени, — вот вы говорите о серьезных намерениях, а вы подумали о том, что у вас теперь могут быть серьезные неприятности?

Юноша мертвенно побледнел и некоторое время лишь молча смотрел на незнакомца, потом коротко и неуклюже ему поклонился, повернулся к ректору и сказал странным звенящим голосом:

— Просить прощения, господин ректор, я не намерен! Я готов покинуть университет. И вряд ли вы имеете право требовать от меня большего!

— Но я вовсе не прошу вас покидать университет, господин Сорде! Будьте любезны взять себя в руки и выслушать меня. Вам осталось доучиться последний семестр, и мы все же хотели бы, чтобы вы окончили университет без помех. — Ректор улыбнулся, и красновато-фиолетовая бородавка у него на носу смешно задвигалась. — А потому я прошу вас: обещайте, что впредь не будете посещать всякие студенческие сборища и в течение всего оставшегося семестра будете с заката и до восхода солнца находиться у себя дома. Вот, собственно, и все мои требования, господин Сорде. Ну что, даете слово?

Немного подумав, молодой человек ответил:

— Даю.

Когда он ушел, инспектор полиции аккуратно свернул листок со стихами и, улыбаясь, положил ректору на стол.

— Храбрый юноша, — заметил он.

— Мальчишка! Обыкновенный дерзкий мальчишка, уверяю вас.

— У Лютера в Виттенберге было девяносто пять тезисов, — сказал инспектор, — а у этого, похоже, только один.

Говорили они по-немецки. Ректор, оценив шутку, громко засмеялся.

— Он надеется служить? Стать адвокатом? Сделать карьеру? — продолжал инспектор.

Ле Гуин У.

Л 33 Всё об Орсинии : роман, рассказы / Урсула Ле Гуин ; пер. с англ. И. Тогоевой, М. Лахути, Е. Доброхотовой-Майковой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 800 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-29397-7

Урсула Ле Гуин — классик современной фантастики и звезда мировой литературы, лауреат множества престижных премий (в том числе девятикратная обладательница «Хьюго» и шестикратная «Небьюлы»), автор «Земноморья» и «Хайнского цикла». Один из столпов так называемой мягкой, гуманитарной фантастики, Ле Гуин уделяла большое внимание вопросам социологии и психологии, межкультурным конфликтам и антропологии. И пожалуй, самым личным, глубоко выношенным ее проектом был цикл произведений о центрально-европейской стране Орсинии с ее высокогорной столицей и древними лесами, роковыми страстями и многовековой мифологией; на карте вы Орсинию не найдете, но созданный воображением классика мир невероятно реален — каждой своей пядью, каждым эпизодом вымышленной, но такой знакомой истории. Книга «Всё об Орсинии», составленная Ле Гуин незадолго до смерти, включает роман «Малафрена», сборник «Рассказы об Орсинии» и ряд дополнительных материалов — народные песни провинции Монтайна, поздние рассказы, подробное предисловие. Часть текстов публикуется по-русски впервые или в новых переводах, остальные — в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

УРСУЛА ЛЕ ГУИН
ВСЁ ОБ ОРСИНИИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Екатерина Доброхотова-Майкова
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Гузель Зайдуллина, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 22.10.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 49. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-FFB-38512-01-R